



К. ЧУКОВСКИЙ

Современные ювеналы

I

О поэтах принято думать, что они большие самохвалы. Один
служит себе самому литургии и твердит неустанно:

Я — Бог таинственного мира!¹

Другой поет «Песню о самом себе»:

Я славлю себя, воспеваю себя!

Третий набожно слагает себе акафисты:

О да, я избранный, я мудрый, посвященный².

Но не все же, слава Богу, таковы.

Сегодня я читал, например, одного поэта и с отрадой наты-
кался у него на такие изречения:

Я живу, как последний дурак!³

И еще:

Я молчу, как истукан!⁴

И еще:

Замерзаю, как осел!

И дальше:

Стою у злого моря циничным оборванцем...⁵;
Сегодня мы все дураки...

Обращаясь к самому себе, этот странный поэт взывает:

— А пока лежи в постели и мычи, как идиот!⁶

Не Богом зовет он себя, а «скотиной»; и, глянув на себя как-то в зеркало, с каким изумлением восклицает:

Кто ты, худосочный, жиденький и гадкий?
Я?! О нет, не надо, ради Бога, нет!!!⁷

Согласитесь, во всем этом автопортрете самохвальства очень немного. И когда поэт обращается к самому себе со словами:

— О лоботряс! —

то нельзя не признать его, пожалуй, даже слишком скромным. Имя этого удивительного поэта — Саша Черный, и хотя он печатается в сатирическом журнале «Сатирикон»*, но, как видно из приведенных отрывков, сатира его главнейше устремляется против него же самого, против Саши Черного, — против собственных его изъязнов и грехов.

Подозреваю, что даже «Сашей» он назвал себя «для сатиры», чтобы побольнее себя уколоть. Из каждой его запятой так и бьет в глаза, что надоел себе человек до последнего краю, что противен ему каждый свой шаг и, как постылую жену, готов он пилить и пилить себя с утра до ночи, и подглядывает за собой, и подслушивает, и пишет на себя кляузы, доносы, эпиграммы, сатирические куплеты, и в каком-то экстазе самооплевания еженедельно в «Сатириконе» выводит себя на позор.

Был я богоборцем, был я мифотворцем⁸, —

жалуется он на себя:

Но теперь мне ясно: только тошнотворцем,
Только тошнотворцем был я целый год.

Согласитесь, это большая новость в Ювеналовом деле! И вдумайтесь только: ведь это «Вехи», пропетые как романс, это Гершензон, «положенный на музыку»!.. О, конечно, вы правы: Саша Черный — писатель микроскопический, но почему это критика наша так боится заглянуть иной раз в микроскоп — разве для иного биолога инфузория не бывает иногда знаменательней мастодонта! Откуда же, в самом деле, такая страсть к самосечению у этого последыша славных «рыцарей свистопляски»? Отчего это, в самом деле, так, что до нынешнего «Сатирикона» все Саши Черные, сколько их было — и в «Искре», и в «Будильнике»⁹, и в «Гудке» (и в недавних «красных»

* Сатирикон. 1908. № 1, 14, 19, 28, 32; 1909. № 2, 6, 20.

листках), — клеймили и казнили кого угодно: откупщиков, славянофилов, дворян, «ерундического» Фета, «эхидного» Тургенева, Корейшу-Аскоченского¹⁰, только не себя, а этот современный Саша Черный, наш, как ни притворяется, будто что-то такое имеет против министра Шварца и депутата Маркова¹¹, — в сущности только и ждет той минуты, чтобы всенародно обозвать себя «идиотом» и «гадкой овцой»?

И главное — для чего другого, а для такого самоосвистания огромный, оказывается, есть у человека талант, виртуозная сила лиризма: такой оскомины нагонит вам в душу, такой терпкости, кислоты, что вот уже вы сами себе, как лимон, и сердце ваше стало лимон, и голова — лимон, и, прокислив вам душу насквозь, этот «сатирик» недаром спрашивает:

Мой близкий! вас не тянет из окошка
О мостовую брякнуть головой?¹²

О, конечно, тянет; в этом цель и смысл таких «сатир». И не правда ли, все это странно? Ведь весь пафос прежних сатирических наших журналов до «Сатирикона» — не правда ли — устремлялся исключительно на *внешний, наружный* мир, на изъяны быта, политики, гражданственности и только теперь, когда, по словам «Вех», «тирания политики кончилась» и «тирания гражданственности сломлена», только в «Сатириконе» наши обличители и сатирики внезапно постигли и внезапно ощутили всей душой, что довольно нам «жить снаружи», пора уже «внутри» уйти душе нашей, пора уже встать нам «над тактикой и над политикой», и вот Саша Черный, опять-таки по рецепту «Вех», над «внешними формами общежития» ставит свою *личную* жизнь, да сбудется реченное «Вехами», что в *личности* только и заключена живая творческая энергия». (См. в «Вехах» статьи Гершензона, Струве и Булгакова, с. 71, 92, 94, 47 и др.)

Ибо в том-то и вся суть, повторяю, что «Сатирикон» — это «Вехи», а Саша Черный — это Гершензон.

И даже «Сатирикон» важнее, показательней «Вех», потому что «Вехи» — это уже рецепты и диагнозы, а «Сатирикон» — это еще слепая боль. Рецепт, он может солгать, но боль ведь не лжет никогда.

Тысячи Черных Саш должны были ныть, выть и биться о стену головой, чтобы это оформилось в доцентские периоды Гершензона, и как эта боль жизненна, подлинна, раз она сразу сказалась и в философическом сборнике, и в журнале для свистопляски — на двух полосах нашей литературы!

II

Но, может быть, вы не знаете, что такое «Сатирикон»?

Это сатирический журнал той самой послереволюционной интеллигенции, о которой говорится в «Вехах».

Именно интеллигенции: раскройте любой номер; сейчас же это так и пахнёт на вас. Вот про «смерть быта», вот про Вайнингера, вот про петербургское наше «хождение в народ», вот Мережковский, вот Сологуб, вот богоборчество, вот мифотворчество — весь интеллигентский обиход, и когда Саша Чёрный пишет:

Давайте спать и хныкать,
И пальцам в небо тыкать¹³, —

это пишет интеллигент, это пишу я, пишете вы, это лирика современной сегодняшней интеллигентской души. И когда он скулит:

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги¹⁴, —

я вижу, что каждая буква в «Вехах» создана им и рождена именно этой его интеллигентской тоской, которую нужно же наконец заметить и с которой нужно же как-нибудь посчитаться. Все спорят с «Вехами», возмущаются «Вехами», восторгаются «Вехами», но никто не хочет их по-человечески пожалеть, не хочет заметить за ними вот этого худосочного самоедика, с лимонным сердцем и лимонной головой, тысячи таких самоедиков, которые, ей-богу же, не виноваты, что (в одних только «Вехах»!) они глянули на себя в зеркало и точь-в-точь как Чёрный возопили:

Кто ты, худосочный, жиденкий и гадкий?
Я?! О нет, не надо, ради Бога, нет!!!

В «Вехах», правда, этого взвизга нет; г. Франк даже похвально в газетах своим «самообличением», но те, кто создали для г. Франка это право и эту возможность столь приятно «самообличаться», те, кто не в книгах, а в жизни должны были сказать себе о себе: «Мы уроды, мы калеки, мы стадо больных», тех нечего обличать в неточностях и противоречиях — как это делал с «Вехами» всякий, кому не лень, — тех нужно

принять и признать, ибо с болезнью кто же станет полемизировать! И страдание кто же станет уличать.

Но как бы там ни было; и там и здесь настроение то же. Можно очень легко вообразить себе этакий дуэт Саши Черного с Гершензоном:

Саша Черный: «Я — осел», «я — идиот», «я живу как последний дурак»!

Гершензон: «Мы — стадо», «мы — уроды».

Розанов, послушав, скажет и тому и другому: «Кайтесь больно, до конца, до могилы, погребитесь и тогда воскреснете в бесконечную радость, в торжество» *.

Гершензон: Дело не в программах, не в тактике. Тирания политики кончилась. Нужно сосредоточение личности, личное нужно самосознание.

Саша Черный:

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю...
Вот тоска — я знаю — есть
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счастье!¹⁵

Боже мой, что же это такое! До сих пор все шло хорошо. И тот и другой самообличался, и тот и другой уходил «внутрь», «в себя»; и тот и другой отвергал безусловный примат «парламента» над личной жизнью, но откуда же эта неожиданная — вы сами слышали — «тоска», откуда «бессилие», «разложение»? То ли обещал нам Гершензон?

Он уверял нас, что чуть только наше сознание «примет характер *личного дела*», чуть только мы позабудем, напр<имер>, «есть ли у нас парламент или нет», и сами по себе, наедине с собою, устремим свои взоры во «внутренний мир» души, как сейчас же мы воскреснем и обновимся, и будем «сильны неведомой силой» — и куда денется наше «хныкающее горе» и наш «низкий страх»? (Вехи, с. 72—76).

Он приводил пример Карлейля и других великих людей. Но вот ему пример: маленький, кисленький Саша Черный — все сделал по его рецепту, и вы сами слышали:

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю, черти знают,
Вот тоска, я знаю, есть
И бессилье гнева есть, —

* Новое время. 1909. 27 апреля.

какое же это, судите сами, воскресение, наверняка обетованное Саше гг. Розановым и Гершензоном?

— Обманули вы меня, подвели! — мог бы он сказать им, но, повторяю, он — как и тысячи других — совершенно самостоятельно и раньше всяких «Вех» дошел до тех настроений, которые в «Вехах» превратились в красивые периоды Бердяева и Франка.

III

С. Н. Булгаков (а с ним Кистяковский и Гершензон) рекомендуют Саше Черному — Самопознание, Самокритику, Самоуглубление, Самопроверку, Самоконтроль, но для того — это только Самоедство и Самоубийство.

Ибо какой, скажите, толк Сашам Черным находить себя? Да для них, может быть, все спасение в том, чтобы именно себя потерять, в какой-нибудь партии, в какой-нибудь «посторонней» программке, чужой идейке, и, конечно, хорошо Эмерсону или Карлейлю¹⁶ требовать от человека, чтобы, «действуя за себя и от себя, он выбросил прочь из окошка законы, книги, фетиши и обычаи», хорошо им уверять, что «пусть у нас будет столько конституций, сколько ягод морошки, и по парламенту в каждом селе, но если мы не станем лицом к лицу с собою, со своею душой, то мы будто бы будем рабы ея веки и веки»; — ни Эмерсон, ни Карлейль не знали ведь Саши Черного, как знает его Гершензон.

Что для Карлейля — «творческое самопознание», то для Саши Черного:

Мой близкий, вас не тянет из окошка
Об землю брякнуть головой?

Правда, он твердит вместе с Гершензоном, что мы совершенно напрасно:

Ищем Бога, ищем черта,
*Потеряв самих себя*¹⁷.

Но, Боже мой, вот он нашел себя — и

В результате: жизнь ублюдка,
Одиноких мыслей яд¹⁸, —

а вовсе не те великие и богатые милости, которые щедро сулили ему и Гершензон, и Антоний Волинский, и Булгаков, и Розанов, и другие враги и друзья.

Под обаянием Буньяна¹⁹ и Карлейля Гершензон позабыл о Гамлете Щигровского уезда, о «гамлетизированном поросенке», о «лишних людях», о «ненужных людях», об «Иванове», о «Дяде Ване» и о всех прежних обликах Саши Черного, когда он в 40-х и 80-х годах оставался наедине с собой.

Нет, — повторю то, что твердил уже на этих самых столбцах, — «интеллигентам *легче* жить “в марксизме”, “в народничестве”, “в нищезанстве”, и направленство не случайный признак нашей интеллигенции, который может быть, а может и не быть, это ее *основное* свойство, без него она немислима, невозможна». Дайте ей заглянуть в себя, побыть с собою наедине — и она неминуемо зачахнет, вырождается в Сашу Черного, который сам зовет себя «ублюдком» и от которого мы услыхали недавно такую неслыханную марсельезу:

Отречемся от старого мира
И полезем гуськом под кровать! *²⁰

Пусть российские наши Карлейли хорошенько запомнят ее!

IV

Г. Гершензон, как известно, славянофил²¹.

Саша Черный тоже славянофил.

Но славянофильство у них различное. Г. Гершензон мечтает о «дружном всенародном сотрудничестве», о слиянии с народом на почве «творческого самосознания»; его двойник из «Сатирикона» не верит в эти мечты.

Славянофильство у Черного другое. Слушайте, слова не пророните:

Квартирант и Фекла на диване.
О, какой торжественный момент!
— Ты — народ, а я — интеллигент, —
Говорит он ей среди лобзаний.
— Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Ты меня, а я тебя — пойдем!..²²

(Сатирикон, 1909 г. № 14)

Это цинично и это злобно, но больше всего это жалостно. Жалко бедного «интеллигента» — и не потому жалко, что, как говорит г. Пешехонов²³, «слиться со своим народом — такова

* Сатирикон. 1908. № 24.

давняя и заветная мечта русской интеллигенции», а потому, что, как должен был наплевать себе в душу этот самый интеллигент, чтобы с такой яростью насмеяться над своей же заветной мечтою.

И здесь Самоуглубление не стало ли Самозаушением?..

V

Вообще весь «Сатирикон» занимается самозаушением — и до чего изящно и грациозно это выходит у него!

В четвертом, напр<имер>, его номере вы найдете гневную насмешку над поэтом Кузминым²⁴ — этакое уничтожающее презрение — с очень ясными, право, намеками на личную жизнь этого поэта, но вам не нужно даже переворачивать страницу, чтобы увидеть такую строку: «В журнале принимают постоянное участие» такие-то, такие-то и «М. Кузмин!»

Это, конечно, пустяки, и значит только, что на деле-то «Сатирикон» против Кузмина ничего не имеет, что он и сам заодно с Кузминым, но не ясно ли, что, издеваясь над Кузминым, он, в сущности, издевался над собою? И это не случайность, а система.

Недавно, напр<имер>, «Сатирикон» объявил войну пародиям, столь обильно теперь расплодившимся: в остроумной статье «Гримасы» он всласть поиздевался над пародиями.

Это было у него на третьей странице, а на пятой странице — что? — конечно же, пародия, даже две пародии О. Л. Д'Ора²⁵: на Леонида Андреева и Сергеева-Ценского.

Это тоже пустяк, но и здесь этакое изящное презрение к собственным своим словам; и пускай здесь самый факт ничтожен, но поистине огромно, так сказать, психологическое основание факта.

В «Искре» таких «пустяков» не было. Если там обличали «сумбурного», напр<имер>, Фета*, то не просто «ради обличения», а потому что (пускай даже по варварству своему) действительно верили в его сумбурность. И обличив, не звали его в сотрудники, ибо считали свои обличения судебными какими-то приговорами и очень удивились бы, если бы узнали, что возможна «сатира для сатиры», «обличение для обличения», без гнева и без любви, просто «так себе», — что возможен «Сатирикон».

* См.: Искра. 1863. С. 322.

Вот и еще подобный же «пустяк» — тоже мелкий до чрезвычайности: «Сатирикон» посмеялся над художником Анисфельдом²⁶ и объявил, что в его картинах:

Тоненькие глистики
Распустили листики, —

а потом пошел печатать одну, другую, третью картину этого Анисфельда.

Но, конечно, такое не только в пустяках. «Сатирикон» готов с таким же изяществом издеваться над самой своею сущностью. Он, например, несомненный (хотя и незаконный) сын нашего «декаданса» — и весь тон его и фон — модернистский. Достаточно указать на его виньетки, заставки, на его стихи, на Блока, Кондратьева, Городецкого²⁷ — и на всех былых ревнителей «Мира искусства»²⁸: Александра Бенуа, Добужинского, Бакста, Билибина, которые все — свои люди у него на страницах.

Но раскройте наугад «Сатирикон» — и вы с изумлением прочтете там о «блуде писателей», «modernes»²⁹, о «прыщавых декадентских щеголях», о том, что гоголевский Петрушка

...сдуру сделался поэтом
И что-то мажет в «Золотом Руне»³⁰.

Вы услышите такой диалог:

— Ну как тебе нравится моя картина?

— Мм... как бы тебе сказать... к сожалению, она не совсем moderne: слишком хорошо написана.

Вы услышите унылое признание обо всех этих Добужинских, Бакстах, Блоках:

Царят! Бог их прости, больных, пустых и грязных,
А нам они наскучили давно!

Вы видите — это система: никаких пристрастий, никаких влечений. «Ты, читатель, не верь нам, мы сами себе не верим, мы просто «так себе». Лишь бы смешно, мы и над собой посмеемся».

А читатель современный и рад. Он так разуверился во всяком пафосе, во всякой «программе» и «тактике», он так разуверился в себе, что ему такое регулярное самооплевание и систематическое удаление от себя какой бы то ни было программы дороже теперь и роднее всего, будет ли оно в «Сатириконе», или в близких «Сатирикону» «Вехах».

Зачем только «Вехи» пристают к нему с каким-то самопознанием — и сулят ему все чудеса и блаженства, если он позна-

ет себя. Самопознания-то ему и не нужно. Оно для него только лишняя тяжесть: почитайте-ка в «Сатириконе» Сашу Черного!

VI

Но зато если хотите знать, как привольно живется интеллигенту без всякого «самопознания», взгляните в других китов «Сатирикона», в юмориста Аверченку и художника Ре-Ми.

Оба они очень даровиты, и главное их свойство: прожорливость, огромный аппетит к жизни, крепчайшие зубы и феноменальный желудок.

Тысячи всевозможных тем, рисунков, шаржей, анекдотов, рассказов, набросков — так и хрустит на зубах, — так и тает во рту, — и вкусно-невкусно, все равно! — лишь бы жевать, — что жевать, безразлично! — особенно этот Ре-Ми! Во всех стилях, в самом трактирном и в самом утонченном, во всех манерах, что угодно, кого угодно, и какой чародей: чуть к чему прикоснется, так и вывернет душу наизнанку, словно это карман, а не душа! — но вывернул, и забыл, и пошел выворачивать другую — счастливый, прожорливый художник! — как та — помните? (да простится мне!) — тоже счастливая гоголевская героиня, которая проглотила на птичьем дворе цыпленка и сама того не заметила.

Заметил ли цыпленок, не знаю; да не в этом и дело; а дело в том, что зачем же разрушать человеческое счастье! Эти лихие таланты такие же Саши Черные, как и сам Саша Черный, — но все еще себя не ощутившие, не вкусившие от древа познания и доселе пребывающие в райском неведении.

И «да будет помрачен позором» тот Гершензон, который кусит их к самопознанию.

Они давно уже наги, давно уже живут «вне политики и вне тактики», давно уже «внешние императивы общественности» не имеют над ними власти, но «к себе», «внутри» они еще не обратились и — смотрите, все вы, худосочные Грегеры*, как они румяны и безмятежны!

Не тревожьте же их понапрасну своими «идеальными требованиями», не превращайте сердца их в лимоны.

Если они и смеются над собою, то это для них анекдот, а вовсе не долг, как было для «Вех», и вовсе не «мука», как было для Черного. Отнимите у них «неведение», и не Карлей-

* Из «Дикой утки»³¹.

лями станут они, а «гамлетизированными поросятами» — и тотчас же мы услышим от них:

Давайте ныть и хныкать
И пальцем в небо тыкать!³²

Такая уж странная наша интеллигенция, что самопознание и хныкание всегда для нее синонимы.

Я пишу это впопыхах и боюсь, что в спешном наброске многое сказалось не так и многое совсем не сказалось. Главное, про «Сатирикон». Я сказал, что он «вне политики»; но это отнюдь не значит, что он не касается политических тем. Это значит, что его энтузиазм, еголафос — не коренится уже здесь, как это было до сих пор с другими *интеллигентскими* сатирическими журналами.

Но нельзя же умолчать, что свирепая цензура * гнетет его и сейчас и что часто он выходит с незаполненными исковерканными цензурой страницами (см., напр<имер>, его номер, посвященный студентам), и что часто он принужден выступать против французских смертных казней. Но, повторяю, не в этом его характеристика и не здесь те *новые* черты, в которых сказались современная сатира.

(Речь. 1909. № 223. 16 (29) августа)



* Может быть, немногие знают, что для иллюстрированных изданий по-прежнему существует цензура.